

ЭЛИЗАБЕТ

ГАСКЕЛЛ

КРЭНФОРД

Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (ACT)

Элизабет Гаскелл

Крэнфорд

«Издательство ACT»

1853

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гаскелл Э.

Крэнфорд / Э. Гаскелл — «Издательство АСТ»,
1853 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-159959-1

Мэри Смит приезжает погостить в провинциальный городок Крэнфорд к своим подругам Матильде и Деборе Дженкинс. Основная часть местного населения – вдовы и старые девы. Вся их социальная жизнь подчинена строгому кодексу обязательных к соблюдению правил, порядков и обычаев. Местных мужчин – торговцев и ремесленников – чопорное и целомудренное женское общество по большей части игнорирует. Однако когда в городке появляется отставной армейский капитан Браун, он мигом привлекает внимание всех незамужних дам...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-159959-1

© Гаскелл Э., 1853
© Издательство АСТ, 1853

Содержание

Глава I. Наше общество	6
Глава II. Капитан	13
Глава III. Давняя любовная история	21
Глава IV. Визит к старому холостяку	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Элизабет Гаскелл

Крэнфорд

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава I. Наше общество

Начнем с того, что Крэнфордом владеют амазонки: если плата за дом превышает определенную цифру, в нем непременно проживает дама или девица. Когда в городе поселяется супружеская пара, глава дома так или иначе исчезает: либо он до смерти пугается, обнаружив, что он единственный мужчина на всех званных крэнфордских вечерах, либо его полк расквартирован где-то далеко, а корабль ушел в плавание, или же он всю неделю проводит, занимаясь делами, в большом торговом городе Драмбле, до которого от Крэнфорда всего двадцать миль по железной дороге. Короче говоря, какова бы ни была судьба мужей, в Крэнфорде их не видно. Да и что бы они там делали? Врач совершает свой тридцатимильный обезд больных и ночует в Крэнфорде, но каждый мужчина ведь не может быть врачом. А для того чтобы содержать аккуратные садики в образцовом порядке и выращивать на клумбах чудесные цветы без единого сорняка, чтобы отпугивать мальчуганов, которые жадно взирают на вышеупомянутые цветы сквозь садовую решетку, чтобы прогонять гусей, иной раз забиравшихся в сад, если калитка останется открытой, чтобы разрешать все спорные вопросы литературы и политики, не затрудняя себя доказательствами и логикой, чтобы получать верные и обстоятельные сведения о делах всех и каждого в приходе, чтобы муштровать своих чистеньких служанок, чтобы благодетельствовать (довольно-таки деспотично) бедняков и с искренней добротой помогать друг другу в беде – для всего этого крэнфордским дамам помощники не нужны, они отличноправляются сами. «Мужчина в доме, – как-то сказала одна из них, – очень мешает!» Хотя каждая крэнфордская дама знает о делах своих приятельниц все, мнение этих приятельниц ее совершенно не трогает. Более того, поскольку каждой из них свойственно значительное своеобразие характера, чтобы не сказать – чудачество, то словесное воздаяние никого из них не затруднило бы, но почему-то они по большей части живут в самом благожелательном согласии.

Лишь иногда между крэнфордскими дамами вспыхивают небольшие ссоры, которые разрешаются несколькими колкостями и сердитым вздергиванием подбородка, – как раз достаточно, чтобы их тихая жизнь не стала совсем уж пресной. Платья их ничуть не зависят от моды. «Что за важность, – говорят они, – как мы одеты в Крэнфорде, где нас все знают?» А если они уезжают куда-нибудь еще, этот довод остается столь же веским: «Что за важность, как мы одеты здесь, где нас никто не знает?» Платья их обычно сшиты из добротной, хотя и простой ткани, и никто не мог бы выглядеть опрятней этих дам, однако ручаюсь, что последние в Англии рукава с широким буфом, последнюю узкую и простую юбку можно было видеть именно в Крэнфорде, и там они ни у кого не вызывали улыбки.

Я не раз собственными глазами видела великолепный семейный зонтик из красного шелка, под которым кроткая старая дева, последняя из многочисленных братьев и сестер, семенила в церковь, если день был дождливым. А у вас в Лондоне есть красные шелковые зонтики? Первый зонтик, появившийся в Крэнфорде, стал местной легендой; мальчишки толпами бегали за ним и называли его «фижмы на палочке». Быть может, он и был тем красным шелковым зонтиком, о котором я упомянула, но тогда его держал над своим малолетним потомством молодой сильный отец. Бедная старушка, единственная оставшаяся в живых из всей семьи, поднимала его с большим трудом.

Визиты наносились и отдавались согласно со строгими правилами и установлениями, и молодым девицам, гостившим в городке, эти правила возвещались с той же торжественностью, с какой древние законы острова Мэн раз в год читались вслух на горе Тинуолд.

– Наши друзья прислали узнать, как вы себя чувствуете после дороги, милочка (пятнадцать миль в железнодорожном вагоне). Они дадут вам отдохнуть завтра, но послезавтра, конечно, заедут к нам, так что после двенадцати будьте, пожалуйста, свободны – с двенадцати до трех мы дома и принимаем.

И далее, когда визит уже нанесен:

– Сегодня третий день. Ваша маменька, наверное, говорила вам, милочка, что визиты полагается отдавать не позже чем через три дня и что оставаться дольше пятнадцати минут не следует.

– Но разве можно в гостях смотреть на свои часы? А как иначе я узнаю, что пятнадцать минут уже прошло?

– Вы должны все время думать о времени, милочка, не забывая про него, как бы ни занимал разговор.

Так как, нанося и отдавая визиты, все твердо помнили это правило, то ни о чем интересном, разумеется, никто никогда не разговаривал. Мы обменивались короткими фразами на общепринятые темы и вставали, чтобы проститься, ровно через пятнадцать минут.

Полагаю, что некоторые из благородных обитательниц Крэнфорда были бедны и лишь с трудом сводили концы с концами, но, подобно спартанцам, прятали свои страдания за улыбками. Мы никогда не говорили о деньгах, так как эта тема имела привкус торговли и ремесла, а мы, включая самых бедных, все были аристократичны. В крэнфордском обществе царил благодетельный *esprit de corps*¹, и если чьи-либо усилия скрыть свою бедность не увенчивались полным успехом, никто не замечал их тщетности. Когда, например, миссис Форрестер дала званный чай в своем кукольном домике и девочка-служанка попросила сидящих на диване дам приподнять свои чашки, чтобы она могла вытащить из-под них чайный поднос, все приняли подобное новшество как нечто совершенно естественное и продолжали беседовать о домашнем этикете и церемониях так, словно мы все верили, будто в доме нашей хозяйки есть половина для слуг, где за столом председательствуют экономка и дворецкий, и она не обходится одной девочкой из приюта, чьи маленькие красные ручонки не донесли бы поднос наверх без помощи самой миссис Форрестер, которая сейчас восседала в парадном туалете, делая вид, что не имеет ни малейшего представления о том, каким печенем собирается угостить нас повар, хотя она знала, и мы знали, и она знала, что мы знаем, и мы знали, что она знает, что мы знаем, что она все утро пекла чайные хлебцы и пирожки из пресного теста.

У этой всеобщей, хотя и непризнанной бедности и всеми весьма признаваемой аристократичности были два-три отнюдь не лишних следствия, которые могли бы принести пользу любым кругам общества. Например, обитатели Крэнфорда рано ложились спать и в девять часов уже семенили домой в своих деревянных калошках под охраной служанки с фонарем, а к половине одиннадцатого весь город тихо отходил ко сну. Кроме того, подавать на вечерних приемах какие-либо дорогие напитки или кушанья считалось вульгарным (слово, которое в Крэнфорде обладало невероятной силой). Тончайшие ломтики хлеба, чуть-чуть смазанные маслом, и маленькие бисквиты – вот все, что предлагала своим гостям высокородная миссис Джеймисон, а она, хотя и практиковала столь «элегантную экономность», была невесткой покойного графа Гленмайра.

«Элегантная экономность»! Как легко и естественно впадаешь во фразеологию Крэнфорда! Здесь экономия всегда была «элегантной», а денежные траты – «вульгарной чванливостью», и эта убежденность в том, что виноград-то зелен, несла нам всем душевный покой и умиротворенность. Никогда не забуду, какой ужас и смущение вызвал некий капитан Браун, который, поселившись в Крэнфорде, во всеуслышание заявил, что он беден, и не шепотом близайшему другу, предварительно заперев все окна и двери, а посреди улицы! Громким военным голосом, ссылаясь на свою бедность как на причину, почему он не снял вот этот дом! Крэнфордские дамы и так уже скорбели из-за того, что в их владения вторгся мужчина и джентльмен. Он был капитаном в отставке и получил место на железной дороге, против строительства которой городок слал негодящие петиции, и если вдобавок к своему мужскому роду и к

---

¹ Дух солидарности (*фр.*).

связи с омерзительной железной дорогой он еще имел бесстыдство рассказывать о своей бедности, обществу оставалось только одно – повернуться к нему спиной и подвергнуть его бойкоту. Смерть столь же реальна и обычна, как бедность, и все же люди никогда не кричат о ней на улицах. Это слово не должно оскорблять благородный слух. Мы безмолвно согласились не замечать, что кто-то из тех, с кем мы обмениваемся визитами, поступает так, а не иначе, из-за бедности, а не по собственному выбору. Если кто-то приходил на званый вечер пешком иозвращался домой тем же способом, причина заключалась в том, что вечер был так пленителен или свежий воздух так приятен, а вовсе не в том, что портшез обошелся бы слишком дорого. Если летом мы ходили в ситце, а не в легких шелках, то потому лишь, что предпочитали материи, которые легко стираются. И так далее и тому подобное, пока мы совершенно не перестали замечать тот вульгарный факт, что мы – все мы – располагаем лишь весьма скромными средствами. Вот почему мы не были способны понять, как мужчина может говорить о бедности так, словно в ней нет ничего позорного. И тем не менее капитан Браун каким-то образом заставил себя уважать, и, вопреки твердо принятому решению, Крэнфорд начал делать ему визиты. Когда примерно через год после его переезда в Крэнфорд гостила там, я с удивлением услышала, что его мнения цитируются и на него ссылаются как на непрекаемый авторитет. Всего двенадцать месяцев назад мои собственные друзья решительно высказались против каких бы то ни было визитов к капитану и его дочерям, а теперь его как-то приняли даже в запретные утренние часы до полудня. Правда, он должен был разобраться, почему дымит труба, а для этого ему нужно было осмотреть ее раньше, чем затопят камин, но, как бы то ни было, капитан Браун бестрепетно поднялся наверх, говорил голосом, слишком могучим для маленькой гостиной, и шутил, как шутят ручные, домашние мужчины. С самого начала он не замечал легких знаков пренебрежения и некоторых упущений в обычном церемониале, с какими его встречали. Он держался дружески, хотя крэнфордские дамы были с ним холодны, принимал за чистую монету их саркастические комплименты и бравым прямодушием развеивал презрительное недоумение, которое вызывал как человек, не стыдящийся быть бедным. И в конце концов его превосходный мужской здравый смысл и способность изыскивать средства для разрешения всяческих домашних трудностей завоевали ему среди крэнфордских дам положение непрекаемого авторитета. И он продолжал жить по-прежнему, так же не замечая своей новой популярности, как не замечал былой антипатии, и я не сомневаюсь, что он был ошеломлен, когда однажды ему пришлось убедиться, насколько высоко ценится его мнение: совет, который он дал в шутку, был воспринят вполне серьезно и свято выполнен.

Дело было так. Одна из старых дам имела олдернейскую корову, которую любила, как родную дочь. Даже во время кратких пятнадцатиминутных визитов вы успевали выслушать какую-нибудь историю об изумительном молоке или изумительной разумности этого животного. Весь городок был знаком с коровой мисс Бетти Баркер и питал к ней самую теплую симпатию, а потому велико было всеобщее огорчение и сочувствие, когда бедняжка по неосторожности свалилась в яму с негашеной известью! Она мычала так громко, что ее почти сразу же услышали и спасли, но тем не менее она успела лишиться чуть ли не всей своей шерсти, и когда ее извлекли из ямы, она уже совсем облезла и дрожала от холода. Все жалели несчастную корову, хотя кое-кто и не мог сдержать улыбки – таким нелепым был ее голый вид. Мисс Бетти Баркер плакала от горя и отчаяния, и говорили, что она уже хотела было устроить корове масляную ванну. Наверное, такое средство рекомендовал ей кто-нибудь из тех, к кому она обращалась за советом, но этому плану, если что-либо подобное и предполагалось, положил конец капитан Браун, заявив решительно: «Если вы хотите, чтобы она не сдохла, сударыня, то обрядите ее во фланелевую кофту и панталоны. Но я бы вам посоветовал сразу зарезать бедную скотину, чтобы она не мучилась».

Мисс Бетти Баркер осушила слезы и, от души поблагодарив капитана, взялась за работу, и вскоре весь городок высыпал на улицы посмотреть, как олдернейская корова кротко шествует на пастбище в одеянии из темно-серой фланели. Я сама много раз любовалась ею в этом наряде.

А вы в Лондоне когда-нибудь видели коров, одетых в серую фланель?

Капитан Браун снял небольшой домик на окраине городка, где и поселился с двумя своими дочерьми. Когда я впервые побывала в Крэнфорде после того, как перестала там жить постоянно, ему было за шестьдесят. Но он выглядел гораздо моложе, так как благодаря каждодневным упражнениям сохранил крепость и гибкость фигуры, голову держал высоко, на военный манер, а походка у него была бодрой и упругой. Старшая дочь казалась почти его ровесницей, и это выдавало, что на самом деле он много старше, чем кажется. Мисс Браун было, наверное, лет сорок. Лицо ее хранило болезненное, обиженное, измученное выражение, и его юная веселость давным-давно исчезла без следа. Впрочем, и в молодости она, вероятно, была некрасива и ее черты отличались резкостью. Мисс Джесси Браун была на десять лет моложе сестры и в двадцать раз милее. На ее округлом лице играли ямочки. Мисс Дженкинс, гневаясь на капитана Брауна (о причине этого гнева я вскоре вам расскажу), как-то объявила, что, по ее мнению, «мисс Джесси уже пора бы отказаться от ямочек и не притворяться ребенком». Действительно, в ее лице было что-то детское, и я убеждена, что таким оно и останется, доживи она хоть до ста лет. У нее были большие голубые удивленные глаза, которые всегда смотрели прямо на вас, нос чуть курносый, а губы – алые и свежие. Ее манера завивать волосы в мелкие локоны еще более усиливала это общее впечатление. Не могу сказать, была ли она хорошенькой или нет, но мне нравилось ее лицо, как оно нравилось всем, и, по-моему, над своими ямочками она была не властна. Ее походку и манеры отличала та же бодрость, какой дышала внешность ее отца, и женский глаз без труда подметил бы легкое различие в одежде сестер, а именно: туалеты мисс Джесси обходились на два фунта в год дороже, чем туалеты мисс Браун. Два же фунта были значительной суммой в годовом бюджете капитана Брауна.

Вот какое впечатление произвели на меня Брауны, когда я впервые увидела их всех вместе в крэнфордской церкви. С капитаном я уже успела познакомиться – благодаря дымящему камину, который он без труда исцелил, поправив что-то в трубе. В церкви во время утреннего гимна он держал у глаз лорнет, а затем высоко поднял голову и запел громко и радостно. Он отвечал священнику громче, чем причетник, дряхлый старичок с пискливым голосом; причетнику, мне кажется, очень досаждал звучный бас капитана, а потому он сам отвечал на все более и более высоких и дребезжащих нотах.

Выходя из церкви, энергичный капитан весьма галантно опекал своих дочерей. Он кивал и улыбался всем знакомым, но не пожал ничьей руки до тех пор, пока не помог мисс Браун раскрыть зонтик, не взял у нее молитвенник и не подождал терпеливо, чтобы она дрожащими нервными пальцами подобрала юбки, готовясь идти по сырому тротуару.

Мне было очень любопытно, что делают крэнфордские дамы с капитаном Брауном на своих приемах. В былые дни мы часто радовались вслух, что на карточных вечерах можно не заботиться о том, чем занять джентльменов, и не подыскивать темы для беседы с ними. Мы поздравляли друг друга с тем, что все так уютно и мило, а наша любовь к элегантности и неприязнь к мужской половине рода человеческого почти убедила нас в том, что быть мужчиной – «вульгарно». А потому, когда узнала, что мой добрый друг мисс Дженкинс, у которой я гостила, намерена дать в мою честь званный вечер и пригласила на него капитана и обеих мисс Браун, я долго терялась в догадках, стараясь представить себе, как все это будет происходить. Как обычно, карточные столики с зеленым суконным верхом были приготовлены еще при дневном свете – шла третья неделя ноября, а потому смеркаться начинало уже в четыре часа. На столики были поставлены свечи и положены чистенькие колоды карт. Камин был затоплен, аккуратно одетой служанке были даны последние наставления, и мы в парадных платьях стояли с бумажными жгутиками в руках, готовые кинуться к свечам, чтобы зажечь их, едва раздастся первый

стук в дверь. Званые вечера в Крэнфорде всегда были весьма торжественными, и дамы, сидя друг возле друга в парадных туалетах, испытывали умиротворенную радость. Едва явились три первые гости, их усадили за преферанс, и мне волей-неволей пришлось сесть четвертой. Следующие четыре гости тотчас были посажены за другой столик, и вскоре на середине всех карточных столиков были установлены чайные подносы, которые я утром заметила в кладовой, когда проходила мимо. Чашечки были из тончайшего фарфора, старинное начищенное серебро ослепительно блестело, но угощение было очень и очень легким. Капитан Браун и его дочери вошли, когда подносы еще не были убраны. Я без труда заметила, что капитан пользуется большим расположением всех присутствующих дам. С его появлением наморщенные лбы разгладились, резкие голоса зазвучали тише. Мисс Браун выглядела больной и унылой, даже мрачной. Мисс Джесси улыбалась, как обычно, и, по-видимому, была всеобщей любимицей, почти как ее отец. Он же тотчас спокойно взял на себя роль всеобщего кавалера: следил, не нужно ли кому-нибудь чего-нибудь, и облегчал труд хорошенкой служанки, принимая пустые чашки и передавая хлеб с маслом тем дамам, которые его еще не отведали. Все это он проделывал с непринужденным достоинством, словно выполняя долг сильного, опекающего слабых, как и положено истинному мужчине. Он играл по маленькой с таким сосредоточенным интересом, словно речь шла не о пенсах, а о фунтах, и тем не менее, как ни был он внимателен с посторонними, он все время следил за своей больной дочерью – я убеждена, что она действительно испытывала физические страдания, хотя многие сочли бы это беспрчинной раздражительностью. Мисс Джесси не играла в карты, но развлекала беседой тех, кто пропускал партию и до ее появления был склонен дуться. Кроме того, она пела, аккомпанируя себе на стареньком разбитом фортепьяно, которое, по-моему, в дни своей юности было спинетом. Мисс Джесси спела «Джок из Хейзелдина», немного фальшивя, но никто из нас не отличался особой музыкальностью, хотя мисс Дженкинс, чтобы доказать тонкость своего слуха, и отбивала такт не в такт.

Со стороны мисс Дженкинс было очень любезно отбивать такт, ибо я заметила, что незадолго перед этим ее весьма оскорбило неосторожное упоминание мисс Джесси Браун (*à propos*² о шетландской шерсти) о том, что ее дядя, брат ее матери, держит в Эдинбурге лавку. Мисс Дженкинс попыталась заглушить это признание страшнейшим кашлем, ибо высокородная миссис Джеймисон сидела за карточным столиком, ближайшим к мисс Джесси: что она сказала бы или подумала, обнаружив, что в одной комнате с ней находится племянница лавочника! Однако мисс Джесси Браун (совсем лишенная тактичности, как мы все согласились на следующее утро) все-таки довела этот факт до сведения всего общества, громогласно пообещав мисс Пул шерсть требуемого оттенка, которую она достанет без всяких хлопот: «Ведь у моего дяди наилучший выбор шетландских товаров во всем Эдинбурге». И мисс Дженкинс попросила ее спеть только для того, чтобы эти ужасные слова перестали звучать в наших ушах, а потому, повторяю, со стороны мисс Дженкинс было весьма любезно отбивать такт.

Когда точно без четверти девять вновь появились подносы с сухариками и вином, началась беседа: сравнивались сдачи, обсуждались взятки, – но затем капитан Браун заговорил на литературную тему.

– Кто-нибудь из вас читал выпуски «Пиквикских записок»? – спросил он (как раз в то время «Записки Пиквикского клуба» выходили отдельными выпусками). – Превосходная вещь!

Мисс Дженкинс, следует сказать, была дочерью покойного крэнфордского священника и, как наследница многочисленных рукописных проповедей, а также очень недурной богословской библиотеки, считала себя причастной к литературе, а в любом упоминании о книгах видела брошенный ей вызов, и потому ответила, что видела их и, можно даже сказать, читала.

---

² Кстати (*фр.*).

– И как они вам понравились? – воскликнул капитан Браун. – Не правда ли, отлично написано?

После такого вопроса мисс Дженкинс не могла не высказать своего мнения:

– Должна признаться, на мой взгляд, они никак не могут идти в сравнение с тем, что писал доктор Джонсон. Но, с другой стороны, автор, возможно, еще молод. Если он будет усерден и если возьмет себе за образец великого доктора, кто знает, чего сможет достичь?

По-видимому, капитан Браун был не в силах снести это молча, и я заметила, что он лишь с трудом удержался, чтобы не перебить мисс Дженкинс.

– Но ведь это же вещь совсем иного рода, сударыня… – начал он.

– Я прекрасно это понимаю, – прервала она, – и сужу без особой строгости, капитан Браун.

– Разрешите, я прочту вам сцену из последнего выпуска, – умоляюще сказал он. – Я получил его только сегодня утром, и, полагаю, общество еще не успело его прочесть.

– Как вам угодно, – ответила она с видом покорности судьбе, и капитан прочел описание «суарея», который Сэм Уэллер устроил в Бате. Некоторые дамы весело смеялись, однако я не посмела последовать их примеру, так как гостила у мисс Дженкинс. Мисс Дженкинс сидела в терпеливом безмолвии. Когда капитан закончил, она повернулась ко мне и сказала с кратким достоинством:

– Милочка, принесите мне из библиотеки «Расселаса».

Когда я подала ей требуемую книгу, она повернулась к капитану Брауну:

– А теперь разрешите мне прочесть одну сцену вам, и тогда общество сможет сделать выбор между вашим любимцем, мистером Бозом, и доктором Джонсоном.

Величавым визгливым голосом она прочла один из разговоров между Расселасом и Имлаком, а закончив, сказала:

– Мне кажется, я достаточно оправдала предпочтение, которое я оказываю доктору Джонсону как беллетристу.

Капитан сложил губы в трубочку, забарабанил пальцами по столику, но ничего не ответил. Она решила нанести еще один-два завершающих удара:

– Я считаю, что публиковаться выпусками – это вульгарно и унижает достоинство литературы.

– А как выходил «Рассеянный», сударыня? – осведомился капитан Браун, но так тихо, что, мне кажется, мисс Дженкинс не могла расслышать этих слов.

– Стиль доктора Джонсона – образец для начинающих авторов. Мой отец рекомендовал его мне, когда я начала писать письма, и на нем я сформировала свой собственный стиль; рекомендую его и вашему любимцу.

– Мне было бы очень жаль, если бы он сменил свой стиль на подобную напыщенность, – сказал капитан Браун.

Мисс Дженкинс сочла это личным оскорблением, хотя капитану такая идея и в голову не могла прийти. Она и ее друзья считали, что в эпистолярном жанре она блестит. Сколько раз видела я, как черновик ее письма переписывался и исправлялся, прежде чем она улучала минутку перед самой отправкой почты, чтобы заверить своих друзей в том-то и том-то. Теперь она с достоинством выпрямилась и на последние слова капитана Брауна сказала только, отчеканивая каждый слог:

– Я предпочитаю доктора Джонсона мистеру Бозу.

Утверждают – за верность этого я не ручаюсь, – будто слышали, как капитан Браун сказал sotto voce³: «Черт бы побрал доктора Джонсона». Если это и правда, то он тут же почувствовал себя виноватым, что и доказал, подойдя к креслу мисс Дженкинс и попытавшись завязать с

---

³ Вполголоса (*имал.*).

ней разговор на более приятную тему. Но она осталась неумолимой. На следующий день она произнесла упомянутую мною фразу о ямочках мисс Джесси.

Глава II. Капитан

Невозможно прогородить месяц в Крэнфорде и не получить подробных сведений о том, как живет каждый из его обитателей, и задолго до того, как мой визит окончился, я уже узнала о семействе Браун очень многое. Не об их бедности – о ней они с самого начала говорили откровенно и просто и не скрывали, что им приходится жить очень экономно. Городку оставалось только обнаружить, насколько неисчерпаема сердечная доброта капитана и насколько разнообразны ее проявления, которых сам он вовсе не замечал. Кое-какие из них довольно долго давали пищу для пересудов. Читали мы мало, почти все дамы были довольны своей прислугой, и тем для разговоров не хватало. А потому мы во всех подробностях обсудили случай, когда капитан в одно очень скользкое воскресное утро забрал из рук бедной старухи ее обед. Выходя из церкви, он увидел, как она бредет из пекарни, заметил, что ноги ее почти не слушаются, и с тем же достоинством, с каким он делал решительно все, освободил ее от ноши и шел по улице рядом с ней, пока благополучно не донес тушеную баранину с картофелем до самого ее дома. Это было сочтено весьма эксцентричным поступком, и мы ждали, что утром в понедельник капитан отправится делать визиты, дабы оправдаться и удовлетворить крэнфордские понятия о приличиях, но он ничего подобного не сделал, после чего было решено, что ему стыдно и он прячется от людских глаз. От души сжалившись над ним, мы начали повторять: «В конце концов воскресное происшествие доказывает, что у него очень доброе сердце». И было решено утешить его, как только он появится среди нас, но – увы! – он явился ничуть не пристыженный, разговаривал обычным густым басом, как всегда откинув голову в неизменном щегольски завитом парике, и мы были вынуждены заключить, что он попросту забыл про воскресное событие.

Между мисс Пул и мисс Джесси Браун благодаря шетландской шерсти и новым вязальными спицами завязалось нечто вроде дружбы, а потому, когда гостила у мисс Пул, я виделась с Браунами гораздо чаще, чем когда жила у мисс Дженкинс, которая так и не простила капитану Брауну его, как она выразилась, оскорбительных замечаний по адресу изящной и приятной беллетристики доктора Джонсона. Я узнала, что мисс Браун терзает какой-то медленный и неизлечимый недуг и что страдания придают ее лицу ту угрюмость, которую я прежде сочла свидетельством плохого характера. Порой она действительно сердилась по пустякам – когда нервное раздражение, вызывавшееся ее недугом, оказывалось свыше ее сил. Мисс Джесси сносила эти припадки раздражительности даже еще более терпеливо, чем горькие самообвинения, которыми они неизменно завершались. Мисс Браун упрекала себя не только за вспыльчивость и нетерпеливость, но и за то, что из-за нее отец и сестра вынуждены во всем себе отказывать, лишь бы покупать дорогие лекарства и лакомства, которые в ее состоянии были ей необходимы. Она с такой охотой сама приносила бы жертвы ради них и облегчала их заботы, что в результате природная щедрость ее души оборачивалась лишней причиной для раздражения. Мисс Джесси и капитан сносили все это не только безропотно, но и с нежной любовью. Когда побывала у них дома, я простила мисс Джесси фальшивое пение и платья, не совсем подходящие к ее возрасту. Я поняла, что (увы, сильно потертые) сюртуки капитана с ватной грудью и каштановый парик а-ля Брут – это остатки его щегольской военной молодости, которые он теперь без смущения донашивал. Он был мастером на все руки, чему немало способствовал опыт, приобретенный в казармах. По его собственному признанию, своими сапогами он бывал доволен, только когда чистил их сам, но, впрочем, он охотно облегчал труд их маленькой служанки и всякими другими способами – возможно, сознавая, что из-за болезни его дочери ее место никак нельзя назвать завидным.

Вскоре после описанного мною достопамятного диспута он попытался примириться с мисс Дженкинс, преподнеся ей деревянный совок для угля (его собственного изготовления),

так как она постоянно жаловалась на то, что ей очень досаждает скрежет железного совка. Мисс Дженкинс приняла его дар холодно и поблагодарила его с церемонной вежливостью. Когда капитан ушел, она попросила меня унести совок в чулан, чувствуя, возможно, что, как ни неприятен железный совок для угля, он все-таки предпочтительнее, чем подарок человека, который ставит мистера Боза выше доктора Джонсона.

Таково было положение вещей, когда я покинула Крэнфорд и уехала в Драмбл. Однако у меня было несколько усердных корреспонденток, которые держали меня au fait⁴ относительно всего, что происходило в милом городке. Мисс Пул, например, которая теперь вязала крючком с таким же упоением, как прежде на спицах, а потому все ее письма, в сущности, сводились к рефрену старинной песни «И белой шерсти мне купи у Флинта»; каждую новость заключало то или иное поручение, имевшее непосредственное отношение к вязанию крючком. Мисс Матильда Дженкинс (не имевшая ничего против того, чтобы ее называли «мисс Мэтти», когда мисс Дженкинс не было рядом) писала милые ласковые путаные письма, время от времени осмеливаясь высказать собственное мнение, однако тут же спохватывалась и либо просила меня не обращать внимания на ее слова, ибо Дебора так не думает, а кому же судить, как не ей, либо добавляла постскрипту примерно в таком духе: написав вышеуказанное, она успела поговорить с Деборой и теперь убеждена... и так далее (чаще всего тут следовало полное отречение от мнения, которое она высказала в злополучном письме). Далее мне писала мисс Дженкинс – Дебора, ревниво оберегавшая свое библейское имя, которое дал ей ее покойный отец, от фамильярных сокращений. Я даже думаю, что она взяла свою библейскую тезку себе за образец, и, право, в ней было сходство с этой суровой пророчицей – разумеется, со скидкой на разницу в воспитании и различие в одежде. Мисс Дженкинс носила мягкий, завязанный бантом галстук, шляпку, похожую на жокейское кепи, и вообще у нее был вид женщины с сильной волей, хотя она с презрением отнеслась бы к нынешним утверждениям, будто женщины равны мужчинам. Равны! Она прекрасно знала, что они гораздо выше их. Но вернемся к ее письмам. Все в них было достойным и величавым, как она сама. Я недавно перечитывала их (милая мисс Дженкинс, как я благоговела перед ней!), и приведу здесь один отрывок, тем более что он касается нашего друга капитана Брауна:

«Высокородная миссис Джеймисон только что покинула меня; пока мы беседовали, она сообщила мне о том, что вчера ей нанес визит былой друг ее незабвенного супруга лорд Молверер. Вряд ли вы сумеете отгадать, что привело милорда в пределы нашего небольшого городка. Это было желание повидать капитана Брауна, с кем, как оказывается, милорд встречался средь «войн в пернатых шлемах» и кому выпала честь оградить милорда от гибели, когда ему угрожала ужасная опасность неподалеку от мыса, что незаслуженно носит название «Доброй Надежды». Вам известно, что нашему другу миссис Джеймисон несколько не хватает духа невинного любопытства, а потому вы не будете особенно удивлены, узнав, что она не смогла сообщить мне, какова была природа вышеуказанной опасности. Мне, признаюсь, хотелось узнать, каким образом капитан Браун, чей дом поставлен отнюдь не на широкую ногу, мог принять столь именитого гостя, и оказалось, что милорд удалился опочить сном, и будем надеяться, сладким, в гостиницу «Ангел», однако два дня, в течение которых он озарял Крэнфорд своим августейшим присутствием, милорд делил браунский стол. По словам миссис Джонсон, жены нашего городского мясника, мисс Джесси купила ножку ягненка, но об иных приготовлениях к приему, достойному столь именитого гостя, я ничего не слышала. Быть может, они угостили его «яствами духа, напитком беседы ученой», и нам, тем, кому известно прискорбное пренебрежение капитана Брауна «к прозрачным родникам родного языка, ничем не замутненным», возможно, следует порадоваться тому, что он имел случай улучшить свой вкус, беседуя с

---

⁴ В курсе (фр.).

элегантным и утонченным членом британской аристократии. Но кто свободен от тех или иных человеческих слабостей и недостатков?»

С той же почтой я получила по письму от мисс Пул и мисс Мэтти. Крэнфордские любительницы переписки не могли упустить такую новость, как приезд лорда Молверера, и извлекли из нее все, что было возможно. Мисс Мэтти смиренно извинилась, что пишет одновременно с сестрой, которая настолько лучше ее могла рассказать, какая честь выпала Крэнфорду. Однако, несмотря на небезупречную орфографию, именно письмо мисс Мэтти дало мне наиболее полное представление о том, в какое волнение был ввергнут городок из-за визита лорда. Ведь за исключением прислуги в «Ангеле», Браунов, миссис Джеймисон и маленького мальчика, которого милорд выругал, когда тот задел грязным обручем его аристократическую ногу, он, насколько я знаю, никого не удостоил там беседой.

В следующий раз я приехала в Крэнфорд летом. За время моего отсутствия там никто не родился, никто не умер и никто не сочетался браком. Все жили в прежних своих жилищах, и почти все носили те же отлично сохраненные старомодные платья. Наиболее замечательным событием был ковер, который барышни Джэнкинс купили для гостиной. Ах, сколько хлопот доставляли нам с мисс Мэтти солнечные лучи, которые во вторую половину дня все время норовили упасть на этот ковер сквозь незанавешенное окно! Мы клали на эти места газеты, а затем возвращались к нашим книгам или рукоделию, но четверть часа спустя, увы и ах, солнце перемещалось и озаряло ковер уже в стороне от газет, и нам вновь приходилось падать на колени и передвигать развернутые листы. Кроме того, мы были очень заняты все утро перед званым вечером мисс Джэнкинс: следя ее указаниям, мы отрезали полосы от газет, сшивали их и укладывали узенькие дорожки к каждому стулу так, чтобы обувь гостей не загрязнила и не осквернила чистоты ковра. А вы в Лондоне изготавливаете для каждого гостя особую бумажную дорожку?

Капитан Браун и мисс Джэнкинс держались друг с другом довольно натянуто. Литературный спор, завязавшийся на моих глазах, остался открытой раной, легчайшее прикосновение к которой причиняло им страдания. Иных расхождений во мнениях между ними никогда не было, но этого одного оказалось достаточно. Мисс Джэнкинс не могла удержаться и, не обращаясь прямо к капитану, говорила вещи, адресованные, несомненно, ему. А он, правда, ничего не отвечал, но барабанил пальцами по столу, и этот его демарш весьма ее уязвлял, как поношение доктора Джонсона. Он слишком выставлял напоказ предпочтение, которое отдавал сочинениям мистера Боза, и однажды, когда по улице, настолько углубился в них, что чуть было не толкнул мисс Джэнкинс. И хотя его извинения были горячими и искренними, и хотя, собственно говоря, ничего не произошло – он только испугал ее и перепугался сам, – она призналась мне, что предпочла бы, чтобы капитан сбил ее с ног, лишь бы он при этом читал более возвышенную литературу. Бедный мужественный капитан! Он выглядел постаревшим, еще более измученным, а сукно его сюртука совсем вытерлось. Однако весел и бодр он был, как прежде, если только его не спрашивали о здоровье его старшей дочери.

– Она очень страдает и будет страдать еще больше; мы делаем что можем, чтобы как-то облегчить ее боль. На все воля Божья!

При последних словах он снял шляпу. От мисс Мэтти я узнала, что для нее действительно делалось все. К ней был приглашен самый известный в этих краях врач, и все его советы исполнялись, каких бы расходов ни требовали. Мисс Мэтти не сомневалась, что они отказывают себе в очень многом, лишь бы больная ни в чем не нуждалась, но сами они об этом никогда не упоминали, а мисс Джесси...

– Право, она настоящий ангел! – сказала бедная мисс Мэтти, давая волю своим чувствам. – Она сносит раздражение мисс Браун, словно совсем его не замечает, и после бессонной ночи, когда ее чуть ли не до зари терзали попреками, она весело улыбается. Как это пре-

красно! И встречает капитана за завтраком такая свежая и бодрая, словно сладко спала до утра в кровати королевы! Милочка, вы бы не стали больше смеяться над ее локончиками и розовыми бантиками, если бы видели все это, как видела я.

Я могла только почувствовать себя очень виноватой, и когда мы снова встретились с мисс Джесси, поздоровалась с ней очень почтительно. Она выглядела увядшей и похудевшей, а когда заговорила о сестре, ее губы задрожали, точно от слабости. Однако она удержала слезы, уже блеснувшие в ее красивых глазах, и, посветлев, сказала:

– Но какой Крэнфорд добрый город! Право же, если у кого-нибудь обед особенно удался, так лучшее кушанье обязательно будет прислано моей сестре в закрытом блюде. Бедняки оставляют для нее ранние овощи у нас на крыльце. Они отвечают коротко и ворчливо, словно чего-то стыдятся, но как бесконечно трогает меня их заботливость!

И на этот раз слезы хлынули из ее глаз, однако через минуту-другую она выбранила себя за них и, в конце концов, рассталась со мной такая же веселая и бодрая, как всегда.

– Но почему же этот лорд Молверер ничего не сделал для человека, который спас ему жизнь? – спросила я.

– Да видите ли, капитан Браун упоминает про свою бедность, только если на то есть веские причины, а в обществе милорда он все время выглядел счастливым и беззаботным, точно принц. Ну и они не извинялись за скучность обеда – так как же ее было заметить? А мисс Браун в тот день чувствовала себя лучше, и казалось, будто все у них обстоит отлично, так что лорд Молверер, наверное, даже не заподозрил, как трудно им живется на самом деле. Зимой он, правда, часто присыпал им дичь, но теперь путешествует за границей.

Я часто замечала, как умеют в Крэнфорде использовать всякие мелочи, чтобы делать приятное другим. Розовые лепестки ошипывались прежде, чем успевали осыпаться, и из них приготовлялась душистая смесь для кого-нибудь, у кого нет сада, пучочки лаванды посыпались обитателю большого города, чтобы рассыпать их в ящиках комода или сжигать в спальне больного, страдающего хроническим недугом. Крэнфорд ревностно делал подарки, на которые многие взглянули бы с пренебрежением, и оказывал услуги, казалось бы, не стоившие затраченного на них труда. Мисс Дженкинс начинила яблоко гвоздикой, чтобы оно распространяло приятное благоухание в комнате мисс Браун, когда его нагреют, и каждую вкладываемую в него гвоздичку сопровождала фразой Джонсона. Стоило ей теперь подумать о Браунах, как она начинала говорить на манер доктора Джонсона, а поскольку в это лето они постоянно занимали ее мысли, то я все время выслушивала звучные трехэтажные предложения.

Как-то капитан Браун явился с визитом, чтобы поблагодарить мисс Дженкинс за множество мелких любезностей, о которых я до тех пор ничего не знала. Он внезапно превратился в старика, его глубокий бас звучал надтреснуто, глаза потускнели, лицо избородили морщины. О состоянии своей дочери он уже был не в силах говорить бодро, но то немногое, что он сказал, было сказано с мужественной благочестивой покорностью судьбе. Дважды он повторил: «Только Богу известно, чем была для нас Джесси», – и после второго раза поспешно встал, молча пожал нам всем руки и вышел.

К вечеру мы заметили на улице кучки людей, которые с ужасом на лицах выслушивали какую-то весть. Некоторое время мисс Дженкинс недоумевала, что могло случиться, а затем все-таки решила пренебречь требованиями хорошего тона и послала Дженнин узнать, в чем дело.

Дженнин вернулась белая как полотно.

– Ох, сударыня! Ох, мисс Дженкинс, сударыня! Эта мерзкая железная дорога убила капитана Брауна! – И она разразилась рыданиями, потому что, как и многие другие, любила капитана за его доброту.

– Как?.. Где?.. Где? Дженнин, перестаньте плакать и расскажите толком!

Мисс Мэтти выбежала на улицу и приказала возчику, который принес страшную новость:

– Идите… тотчас же идите к моей сестре, мисс Дженкинс, к дочери крэнфордского священника. Ну скажите, скажите, что это неправда! – восклицала она, вводя в гостиную растерявшегося возчика, который усердно приглаживал вихры и топтал мокрыми сапогами новый ковер, но никто не обратил на это внимания.

– Уж извините, сударыня, а так оно и есть. Я своими глазами видел! – И он вздрогнул при этом воспоминании. – Капитан ждал лондонского поезда, а сам читал какую-то новую книжку. А маленькая такая девочка захотела к маменьке, убежала от сестры и ковыляет себе по рельсам. А он, как услышал поезд, посмотрел, увидел ее и прыгнул на рельсы. Схватил ее, но у него нога подвернулась, а поезд тут его и переехал. О господи, господи! Это правда, сударыня, они уже пошли сказать его дочкам. А девочка-то цела и невредима. Ей только плечо ушибло, когда он бросил ее на руки матери. Бедный капитан был бы этому рад, верно ведь, сударыня? Благослови его Бог!

Суровое лицо дюжего возчика сморщилось, и он отвернулся, чтобы скрыть слезы. Я взглянула на мисс Дженкинс. Ей, по-видимому, стало дурно, и она сделала мне знак открыть окно.

– Матильда, принеси мою шляпку. Я должна пойти к бедным девушкам. Да простит мне Бог, что я иногда говорила с капитаном пренебрежительно!

Мисс Дженкинс оделась, готовясь выйти из дома, и велела мисс Матильде налить возчику рюмочку вина. До ее возвращения мы с мисс Мэтти сидели съежившись у камина и тихо, испуганно переговаривались, при этом мы обе время тихонько плакали.

Мисс Дженкинс вернулась в молчаливом настроении, и мы не посмели ее расспрашивать. Она сказала нам, что мисс Джесси упала в обморок и они с мисс Пул лишь с трудом привели ее в чувство, но что мисс Джесси, едва очнувшись, попросила, чтобы одна из них посидеть с ее сестрой.

– Мистер Хоггинс говорит, что ей остается жить совсем недолго и ее нужно оберечь от этого удара, – сказала мисс Джесси тихо, не смея дать волю своему горю.

– Но как вы сумеете это сделать, милочка? – спросила мисс Дженкинс. – У вас не хватит сил, она заметит ваши слезы.

– Господь мне поможет… я сдержусь… Она спала, когда пришли сказать… Может быть, она еще не проснулась. Ей будет так тяжело – и не только из-за смерти папы, но и от мысли о том, что теперь будет со мной. Ведь она всегда так обо мне заботится!

Они встретили взгляд ее кротких любящих глаз, и мисс Пул говорила потом, что чуть было не расплакалась, зная, как мисс Браун обходится с сестрой.

Однако все устроилось по желанию мисс Джесси. Мисс Браун объяснили, что ее отцу пришлось спешно уехать по делам железной дороги. Как-то им удалось ее убедить – как именно, мисс Дженкинс не знала. Мисс Пул обещала пока остаться у мисс Джесси. Миссис Джеймисон прислала справиться о них. Больше ничего в этот вечер мы не узнали, и он был очень-очень грустный. На следующий день газета графства, которую выписывала мисс Дженкинс, поместила подробное описание рокового происшествия. Мисс Дженкинс сказала, что стала что-то слаба глазами, и попросила меня прочесть газету вслух. Когда я дошла до фразы: «Доблестный джентльмен был поглощен чтением очередного выпуска «Пиквика», который только что получил», – мисс Дженкинс долго и печально качала головой, а затем произнесла со вздохом:

– Бедный, милый, ослепленный человек!

Тело со станции должны были перенести в приходскую церковь, чтобы затем неподалеку предать земле. Мисс Джесси во что бы то ни стало хотела проводить отца в последний путь и не слушала никаких убеждений. Необходимость сдерживаться сделала ее почти упрямой, и она осталась глуха к просьбам мисс Пул и советам мисс Дженкинс. В конце концов мисс Дженкинс уступила и после молчания, которое, как я боялась, означало, что мисс Джесси вызвала ее глубокое неудовольствие, обещала сопровождать ее на похоронах.

— Вы не можете быть там одна. Если я допущу подобное, это будет попранием и приличий, и человечности.

Судя по лицу мисс Джесси, это предложение ее отнюдь не обрадовало, но все упрямство, если оно у нее было, она израсходовала, отстаивая свое намерение присутствовать при погребении. Бедняжке, конечно, хотелось в одиночестве выплакаться на могиле любимого отца, для которого она была всем, и на краткие полчаса свободно отиться горю вдали от дружеских и сочувственных глаз. Но этого ей не было дано. В тот же день мисс Дженкинс послала в лавку за ярдом черного крепа и немедленно обшила им черную шелковую шляпку, о которой я упоминала. Кончив работу, она надела шляпку и оглянулась на нас, ожидая нашего одобрения — восторги и восхищение она презирала. У меня было очень тяжело на душе, но даже в минуты самого искреннего горя нас порой непрошено навещают забавные мысли, и шляпка на голове мисс Дженкинс представилась мне внушительным шлемом. Вот в этом-то головном уборе, наполовину жокейском кепи, наполовину шлеме, мисс Дженкинс присутствовала на похоронах капитана Брауна и, насколько мне известно, поддерживала мисс Джесси с нежной снисходительной твердостью, позволив ей вдоволь поплакать, прежде чем они покинули кладбище.

Тем временем мисс Пул, мисс Мэтти и я ухаживали за мисс Браун, но, как мы ни старались, ее ворчливые бесконечные жалобы не иссякали. И если мы совсем пали духом и измучились, то как же должна была чувствовать себя мисс Джесси! Однако она вернулась домой почти спокойной, точно обрела новые силы. Сняв траур, она вошла к больной, немного бледная, кроткая, как всегда, и поблагодарила нас нежным и долгим пожатием руки. Она даже сумела улыбнуться — слабо, ласково, невесело, словно стараясь заверить нас в том, что несчастье ее не сломило. И все же наши глаза внезапно наполнились слезами, которые нам было бы легче сдержать, если бы она расплакалась. Мы уговорились, что мисс Пул останется с ней на всю долгую ночь бдения у постели больной, а мисс Мэтти и я вернемся утром, чтобы сменить их и дать мисс Джесси возможность немного поспать. Однако, когда настало утро, мисс Дженкинс вышла к завтраку в шлемоподобной шляпке и велела мисс Мэтти оставаться дома — она сама пойдет ухаживать за больной. По-видимому, ее снедала великая лихорадка дружеского сочувствия, заставлявшая завтракать стоя и выговаривать всем домашним.

Но никакие заботы и никакая энергичная, обладающая непреклонной волей женщина уже не могли помочь мисс Браун. Когда мы вошли в комнату, там властвовало нечто более сильное, чем все мы, грозное нечто, перед которым мы были беспомощны. Мисс Браун умирала. Мы едва узнали ее голос — от раздраженности, без которой мы его себе не представляли, не осталось и следа. Потом мисс Джесси говорила мне, что в это утро голос и лицо ее сестры стали вновь такими, какими они были прежде, до того, как смерть матери сделала ее юной, робкой главой семьи, из которой теперь осталась только мисс Джесси. Умирающая сознавала присутствие сестры, хотя нас, мне кажется, не замечала. Мы стояли чуть в стороне, за занавеской; мисс Джесси, опустившись на колени у изголовья сестры и наклонившись к ее лицу, ловила последний, еле слышный страшный шепот:

— Ах, Джесси, Джесси! Какой я была эгоисткой! Да простит мне Бог, что я позволила тебе пожертвовать для меня всем! Я так тебя любила и все-таки думала только о себе. Да простит мне Бог!

— Милая, ну что ты, что ты... — сказала мисс Джесси сквозь рыдания.

— А папа! Милый любимый папа! Я не буду жаловаться, если Господь даст мне силу терпеть. Но, Джесси, расскажи папе, как мне хотелось увидеть его в последние минуты и попросить у него прощения. Теперь он уже никогда не узнает, как я его любила... Ах, если бы я могла сказать ему это, прежде чем умру! Какой горестной была его жизнь, а я так мало делала, чтобы облегчить ее!

Лицо мисс Джесси словно озарилось светом.

— Родная, может быть, тебя утешит мысль, что он это знает? Милая, ведь его заботы, его горести... — Ее голос задрожал, но она принудила себя говорить твердо. — Мэри! Он раньше тебя ушел туда, где усталые обретают покой. Он знает теперь, как ты его любила.

На лице мисс Браун появилось странное выражение, но в нем не было печали. Несколько мгновений она молчала, а затем мы не столько услышали, сколько прочли по ее губам слова:

— Папа, мама, Гарри, Арчи... — И тут новая мысль омрачила ее тускнеющее сознание: — Но ты же остаешься совсем одна, Джесси!

Мисс Джесси, наверное, думала об этом все время, пока молчала, потому что теперь из ее глаз дождем хлынули слезы и у нее не сразу достало сил ответить. Затем, сложив ладони, она воздела руки и сказала — не нам:

— «Вот, он убивает меня, но я буду надеяться!»

Несколько минут спустя мисс Браун застыла в последнем покое, чтобы больше уже никогда не страдать и не роптать.

После вторых похорон мисс Дженкинс настояла на том, чтобы мисс Джесси погостила у нее, а не возвращалась в опустевший дом, тем более что у нее не было средств жить в нем дальше, как она сама нам сказала. У нее оставалось что-то около двадцати фунтов годового дохода, не считая процентов с суммы, которую удастся выручить за мебель. Прожить на это было невозможно, и мы начали обсуждать, каким способом она могла бы зарабатывать деньги.

— Я умею шить, — сказала мисс Джесси, — и мне нравится ходить за больными. Кроме того, мне кажется, я сумела бы вести хозяйство, если бы кто-нибудь взял меня в экономки, или же я могла бы служить продавщицей, если бы меня научили моим обязанностям.

Мисс Дженкинс разгневанно объявила, что ничего подобного она делать не будет, и почти час спустя все еще разговаривала сама с собой о том, что «некоторые люди не понимают, что, будучи дочерьми капитана, они должны считаться со своим положением», — когда принесла мисс Джесси глубокую тарелку тщательно приготовленного саго и стояла над ней, словно часовой, пока последняя ложка не была съедена, и только затем покинула комнату. Мисс Джесси, начав объяснять мне, чем еще она могла бы заняться, незаметно заговорила о давно ушедших днях, и я настолько заинтересовалась, что перестала замечать времени. Мы обе вздрогнули, когда мисс Дженкинс внезапно вернулась и застала нас обеих в слезах. Я боялась, что она рассердится, — ведь она часто повторяла, что слезы мешают пищеварению, а я знала, как она хочет, чтобы мисс Джесси поскорее окрепла. Но мисс Дженкинс не рассердилась, вид у нее был загадочный и взволнованный, и она несколько раз прошлась мимо нас, прежде чем заговорила:

— Я была так поражена... То есть ничуть не поражена... Извините, милая мисс Джесси... Я была очень удивлена... То есть пришел один джентльмен, с которым вы когда-то были знакомы, дорогая мисс Джесси...

Мисс Джесси побелела, затем залилась алой краской и нетерпеливо посмотрела на мисс Дженкинс.

— Джентльмен, милочка, который спрашивает, можете ли вы его принять.

— Это... неужели это... — пробормотала мисс Джесси и умолкла.

— Вот его карточка, — сказала мисс Дженкинс, вручая ее мисс Джесси, и над ее склоненной головой начала подмигивать мне, делать странные гримасы и беззвучно произнесла длинную фразу, из которой я, разумеется, не поняла ни слова.

— Можно ему войти? — спросила наконец мисс Дженкинс.

— О да, конечно, — ответила мисс Джесси тоном, который говорил: «Это ваш дом, и вы можете приглашать в него кого вам угодно». Она взяла вязанье мисс Мэтти и принялась усердно считать петли, хотя я видела, что она вся дрожит.

Мисс Дженкинс позвонила в колокольчик и отдала распоряжение служанке проводить майора Гордона в гостиную. Через минуту в комнату вошел красивый человек лет сорока с открытым мужественным лицом. Он пожал руку мисс Джесси, но она упорно смотрела в пол,

и он не мог увидеть ее глаз. Мисс Дженкинс спросила, не помогу ли я ей обвязать банки с вареньем в кладовой, и, хотя мисс Джесси дернула меня за платье и даже бросила на меня молящий взгляд, я не посмела не пойти туда, куда меня позвала мисс Дженкинс. Однако мы не пошли перевязывать банки с вареньем в кладовой, а остались в столовой, где мисс Дженкинс пересказала мне все, что ей поведал майор Гордон: как служил в одном полку с капитаном Брауном и познакомился с мисс Джесси, тогда цветущей восемнадцатилетней девушкой, как полюбил ее, хотя несколько лет таил свою любовь про себя, как, унаследовав от дяди поместье в Шотландии, сделал ей предложение и получил отказ, но при этом она была так взволнована и, видимо, огорчена, что он уверился в ее взаимности, и как узнал, что препятствием был роковой недуг, уже тогда угрожавший ее сестре. Она проговорилась, что, по словам врачей, боли будут страшными и постоянными, а ухаживать за бедной милой Мэри, ободрять и утешать их отца, кроме нее, некому. Они не раз долго разговаривали о будущем, но когда она наотрез отказалась дать ему слово, что станет его женой, когда все будет кончено, он вспылил, тут же полностью порвал с ней и уехал за границу, уверяя себя, что она бессердечна и ему следует поскорее ее забыть. Он путешествовал по Востоку и, возвращаясь на родину, прочел в Риме рассказ о гибели капитана Брауна, напечатанный в «Галиньяни».

Тут мисс Мэтти, которая отсутствовала все утро и только сейчас вернулась домой, вбежала в столовую с чрезвычайно расстроенным и смущенным видом.

— Только подумать! — воскликнула она. — Дебора, в гостиной сидит какой-то джентльмен, и его рука лежит на талии мисс Джесси!

Глаза мисс Мэтти округлились от ужаса.

Мисс Дженкинс тотчас вывела ее из заблуждения:

— Это самое подходящее место для его руки! Уйди, Матильда, и не вмешивайся в чужие дела.

Такая отповедь из уст сестры, которая до тех пор была столпом приличий, совсем ошеломила бедную мисс Мэтти, и она вышла из столовой в полной растерянности.

Последний раз я видела бедную мисс Дженкинс через много лет после этого события. Миссис Гордон поддерживала самые теплые и дружеские отношения со всем Крэнфордом. Мисс Дженкинс, мисс Мэтти и мисс Пул не раз гостили у нее и, вернувшись, восторженно рассказывали о том, какой у нее дом, какой муж, как она одевается и как выглядит. Вместе со счастьем к ней отчасти вернулась красота ее юности, и к тому же она была года на два моложе, чем мы думали. Глаза у нее всегда были прелестны, а когда она стала миссис Гордон, то и против ямочек уже ничего нельзя было возразить. В то время, о котором я начала говорить — когда я в последний раз видела мисс Дженкинс, — та совсем одряхлела и несколько утратила былую непреклонность воли. У них гостила тогда маленькая Флора Гордон, и, когда я вошла, девочка читала вслух мисс Дженкинс, которая лежала на кушетке, очень слабая и изменившаяся. При виде меня Флора отложила «Рассеянного».

— А! — сказала мисс Дженкинс. — Я уже не та, что раньше, милочка. Глаза что-то стали плоховаты. Если бы Флора не читала мне, не знаю, как бы я коротала дни. А вы когда-нибудь читали «Рассеянного»? Удивительная книга, удивительная! И очень полезная для Флоры. (С этим последним я, наверное, согласилась бы, если бы девочка могла хотя бы половину слов читать не по слогам и понимала бы смысл трети из них.) Гораздо лучше той нелепой старинной книги со странным названием... Еще бедный капитан Браун был убит за то, что читал ее... Книги мистера Боза, ну, знаете, «Старый Поз». Когда я была молоденькой девушкой — очень давно это было, — играла Люси в «Старом Позе»...

И она болтала еще долго, так что Флора успела прочесть изрядный кусок «Рождественской песни», которую мисс Мэтти забыла на столе.

Глава III. Давняя любовная история

Я полагала, что после смерти мисс Дженкинс мои сношения с Крэнфордом кончатся или, во всяком случае, ограничиваются перепиской, которая способна заменить живое общение не больше, чем альбомы с засушенными цветами (по-моему, они называются гербариями) могут заменить живые душистые цветы лугов и полей. А потому я была приятно удивлена, получив письмо от мисс Пул (у которой по завершении моего ежегодного визита к мисс Дженкинс я всегда проводила еще неделю) с приглашением погостить у нее, а затем, дня через два после того, как я его приняла, пришло письмо от мисс Мэтти – она со множеством обиняков робко объясняла мне, какое удовольствие я ей доставлю, если погощу неделю-другую у нее либо до моего визита к мисс Пул, либо после него. «Ведь я хорошо понимаю, – писала она, – что после кончины моей дорогой сестры не могу предложить ничего заманчивого и обществом моих друзей обязана только их доброте».

Разумеется, я обещала погостить у милой мисс Мэтти после мисс Пул и на другой день после приезда в Крэнфорд отправилась к ней, стараясь представить себе, каким стал дом без мисс Дженкинс, и думая о возможных переменах с некоторой тревогой. Едва я вошла, мисс Мэтти начала плакать. По-видимому, ожидая меня, она совсем разнервничалась. Я утешала ее как могла, и вскоре убедилась, что лучшим утешением были мои искренние похвалы покойной. Мисс Мэтти медленно наклоняла голову в такт перечислению добродетелей своей сестры, в конце концов не сумела сдержаться и, закрыв носовым платком лицо, по которому уже давно катились тихие слезы, громко зарыдала.

– Милая мисс Мэтти, – пробормотала я, беря ее за руку, потому что у меня не было слов, чтобы выразить ей, как мне жаль ее теперь, когда она осталась на свете совсем одна.

Она отняла платок от лица и сказала:

– Милочка, пожалуйста, не называйте меня Мэтти. Ей ведь это не нравилось. Боюсь, я часто делала то, что ей не нравилось, а теперь ее больше нет. Называйте меня Матильдой, душенька, хорошо?

Я обещала, и в тот же день мы с мисс Пул начали упражняться, чтобы приучить себя к новому имени. Постепенно о желании мисс Матильды узнал весь Крэнфорд, и все мы старались отвыкнуть от ее уменьшительного имени. Однако наши усилия оказались тщетными, и со временем мы оставили эту попытку.

Мой визит к мисс Пул не был ознаменован никакими событиями. Мисс Дженкинс так долго правила светской жизнью Крэнфорда, что теперь, после ее кончины, ни у кого не хватало духа дать званый вечер. Высокородная миссис Джеймисон, которой сама мисс Дженкинс всегда щепетильно уступала первенство, была толста, апатична и всецело зависела от своих старых слуг. Если они решали, что она должна дать званый вечер, то напоминали ей об этом, а если нет, сама она ничего не предпринимала. А потому у меня было сколько угодно времени, чтобы выслушивать рассказы мисс Пул о давно прошедших днях, пока она вязала, а я шила рубашки отцу. Я всегда захватывала в Крэнфорд какое-нибудь простое шитье, так как читали мы мало, гуляли тоже мало, и я скоро обнаружила, что легкоправляюсь там с работой, которую никак не успеваю кончить дома. Один из рассказов мисс Пул был посвящен призрачной любовной истории, о которой давным-давно как будто ходили неясные слухи.

Вскоре настал день, когда я должна была покинуть кров мисс Пул и отправиться к мисс Матильде. Она встретила меня с некоторой тревогой, опасаясь, что устроила меня недостаточно удобно. Пока я распаковывала свои вещи, она то и дело входила ко мне, чтобы помешать огонь в камине, который в конце концов от этого чуть не погас.

— Вам будет довольно ящиков, милочка? Я точно не знаю, как их распределяла моя сестра. У нее была превосходная система. И конечно, она за одну неделю обучила бы служанку топить камин как следует, а ведь Фанни служит у меня уже четыре месяца.

Впрочем, прислуга была постоянной причиной тревог и жалоб, да и неудивительно: ведь если в «благородном обществе» Крэнфорда джентльмены были почти неслыханной редкостью, то низшие классы изобиловали ими, а вернее, их соответствиями — красивыми молодыми людьми. Хорошенькие опрятные служанки имели большой выбор очень приличных «дружков», и их хозяйки, даже если они не испытывали, подобно мисс Матильде, своего рода мистического ужаса перед мужчинами и узами брака, все же имели полное право опасаться, как бы миловидной служанке не вскружил голову столяр, мясник, садовник или еще кто-нибудь из тех, кому их ремесло открывало доступ в дом и кто, к несчастью, обычно бывал красив и холост. Поклонники Фанни, если они у нее были (а мисс Матильда подозревала такое их невероятное количество, что, не будь девушка и правда очень хорошенкой, я усомнилась бы, есть ли у нее хотя бы один возлюбленный), причиняли ее хозяйке бесконечные беспокойства. Условия, на которых она была нанята, возбраняли ей обзаводиться «дружками», и хотя она, теребя край передника, простодушно сказала: «С вашего позволения, сударыня, у меня никогда их больше одного зараз не бывает», — мисс Мэтти наложила запрет и на этого единственного. Тем не менее над кухней тяготел призрак мужчины. Фанни заверила меня, что это было одно воображение, а не то я поклялась бы, что однажды вечером, заглянув в кладовую с каким-то поручением, своими глазами видела, как за дверью чулана молниеносно исчезли фалды сюртука, а в другой раз, когда наши часы остановились и я спустилась вниз узнать время, между высокими часами и открытой кухонной дверью я заметила нечто удивительно похожее на молодого человека, втиснутого в это узкое пространство. Фанни же с какой-то странной поспешностью схватила свечу со стола, так что циферблат погрузился в тень, и с неколебимой уверенностью сообщила мне, который час, — причем на полчаса вперед, как мы обнаружили потом, услышав бой церковных курантов.

Но, как бы то ни было, Фанни пришлось оставить свое место, и мисс Матильда умоляла меня погостить у нее подольше, чтобы помочь ей «приладиться» к новой служанке, и я согласилась, после того как отец написал, что пока еще не ждет меня домой. Новая служанка была неотесанной деревенской девушкой, которая прежде батрачила на ферме, но когда она пришла наниматься, мне понравилось ее честное простодушное лицо, и я обещала мисс Матильде, что обучу ее порядкам, а порядки эти определялись тем, что, по мнению мисс Матильды, было бы одобрено ее сестрой. Пока мисс Дженкинс была жива, многие домашние законы и правила служили предметом жалоб мне на ухо, но теперь, после ее кончины, даже я, несмотря на мое привилегированное положение любимицы, не осмеливалась предложить никаких изменений. Например, за обедом мы точно соблюдали ритуал, установленный «в доме моего отца, крэнфордского священника», а потому вино и десерт были обязательными. Однако графини наполнялись, только когда приглашались гости, а к тому, что в них оставалось, мы — хотя у наших приборов неизменно ставились две рюмки — притрагивались редко, и перед следующим званным вечером состояние вина исследовалось и обсуждалось на семейном совете. Чаще всего остатки шли беднякам, но порой, если вина после предыдущего праздничного события (со времени которого могло пройти и пять месяцев) оставалось еще много, графин доливали вином из свежей бутылки. По-моему, капитан Браун не особенно любил вино: я заметила, что он никогда не доканчивал даже первой рюмки, хотя военные обычно выпивают их несколько. На десерт мисс Дженкинс имела обыкновение собственоручно собирать смородину и крыжовник, хотя мне казалось, что они были бы куда вкуснее, если бы их можно было рвать прямо с куста. Однако, как заметила мисс Дженкинс, в этом случае летом на десерт нечего было бы подать. А так мы чувствовали себя весьма элегантными: две рюмки для каждой из нас, блюдо с крыжовником посередине, блюда со смородиной и сухариками по его сторонам и два графина

позади них. Появление апельсинов сопровождалось любопытной церемонией. Мисс Дженкинс не нравилось, когда их резали, так как сок, по ее словам, брызгал неизвестно куда, и вкушать апельсин полагалось лишь одним способом – высасывая его (только она, мне кажется, употребляла более благозвучное слово). Однако эта процедура вызывала неприятные ассоциации с грудными младенцами, а потому в апельсиновый сезон мисс Дженкинс и мисс Мэтти после десерта вставали, в молчании брали по апельсину и удалялись в уединение своих спален, дабы там предаться высасыванию этих плодов.

Иногда я пыталась уговорить мисс Мэтти не уходить, и при жизни ее сестры мне это раза два удавалось. Я ставила экран и не смотрела в ее сторону, а она, по ее выражению, старалась не досаждать мне чмоканьем, но теперь моя просьба оставаться со мной в теплой столовой и съесть апельсин, как ей будет угодно, привела ее в ужас. И так было во всем. Порядки мисс Дженкинс соблюдались с неслыханной прежде строгостью, ибо та, что установила их, удалилась в мир иной, и некому было их смягчить. Во всем же остальном мисс Матильду отличали даже чрезмерные уступчивость и нерешительность. На моих глазах Фанни раз двадцать в течение утра заставляла ее менять распоряжения относительно обеда, и мне порой казалось, что ловкая девчонка пользовалась слабостью мисс Матильды нарочно, чтобы совсем ее запутать и укрепить свою власть над ней. А потому я решила не уезжать, пока хорошенко не узнаю Марту, и тогда, если она окажется преданной душой, предупредить ее, чтобы она не беспокоила свою хозяйку всякими мелочами.

Марта была грубовата и имела неприятную привычку прямо говорить все, что ей приходило в голову; кроме того, она была энергична, благожелательна и очень невежественна. Примерно через неделю после того, как она появилась в доме, мисс Матильда получила с утренней почтой письмо, весьма нас с ней удивившее, – от ее родственника, который прослужил в Индии лет двадцать-тридцать и недавно (о чем мы узнали из «Армейских списков») возвратился на родину с большой женой, никогда не видевшей своих английских родственников. Майор Дженкинс писал, что они намерены переночевать в Крэнфорде по пути в Шотландию, – если мисс Матильде неудобно принять их у себя, они остановятся в гостинице, но надеются провести с ней как можно больше времени в течение дня. Разумеется, это не может быть ей неудобно, объявила она, ведь весь Крэнфорд знает, что спальня ее сестры свободна. Однако я убеждена, что она предпочла бы, чтобы майор навсегда остался в Индии и забыл о существовании своих английских родственниц.

– Ах, но как же я их устрою? – растерянно спрашивала она. – Будь Дебора жива, она бы знала, как принять приезжающего погостить джентльмена. Надо ли положить бритвы в его туалетную? И ведь у меня их нет! А у Деборы они нашлись бы! Аочные туфли, а щетки, чтобы чистить мундир?

Я высказала предположение, что, вероятно, все это он привезет с собой.

– А как я узнаю, когда после обеда мне следует встать и оставить его в столовой допивать вино? Дебора сделала бы это вовремя, она была бы совершенно в своей стихии. Как вы думаете, нужно будет варить для него кофе?

Я обещала заняться кофе, сказала, что приобщу Марту к искусству прислуживать за столом (надо признаться, оно было ей совершенно неведомо), и добавила, что майор и миссис Дженкинс, несомненно, понимают, каким простым и тихим должен быть образ жизни одиночной дамы в провинциальном городке. Тем не менее она никак не могла успокоиться. Я уговорила ее выпить содержимое графинов и достать из погреба две запечатанные бутылки. К сожалению, я не могла отослать ее, когда давала наставления Марте, и она то и дело перебивала меня всеми новыми и новыми указаниями, так что совсем запутала бедную девушку, которая стояла с открытым ртом и смотрела то на меня, то на нее.

– Обнесите обедающих овощами, – сказала я (что, как я вижу теперь, было глупо, поскольку отнюдь не соответствовало тишине и простоте, к которым мы стремились) и, заме-

тив растерянный взгляд Марты, пояснила: – Обойдите с блюдом тех, кто обедает, чтобы они сами накладывали себе овощи.

– И обязательно начинайте с дам, – вставила мисс Матильда. – Обязательно подходите сначала к дамам, а потом уже к джентльменам, когда прислуживаете за столом.

– Хорошо, сударыня, я так и сделаю, – ответила Марта. – Только мне парни больше нравятся.

Это заявление Марты нас смущило и шокировало, но она, конечно, не имела в виду ничего дурного, и, в общем, старательно выполнила наши указания, хотя и подтолкнула майора локтем, когда он не сразу принял накладывать себе картофель с блюда, которое она ему подставила.

Майор и его супруга оказались скромными, непритязательными людьми, несколько вялыми, но, если не ошибаюсь, такая вялость свойственна всем, кто долго жил в Индии. Мы пришли в ужас, когда выяснилось, что с ними приехали двое слуг: индус – камердинер майора и пожилая горничная его жены. Но они спали в гостинице и оказали нам немалую помощь, следя, чтобы их господа ни в чем не нуждались. Марта, разумеется, все время таращила глаза на белый тюрбан и коричневое лицо индуза, и я заметила, что мисс Матильда немного ежилась, когда он прислуживал за столом. После их отъезда она даже спросила меня, не нахожу ли я в нем сходства с Синей Бородой. В целом визит прошел весьма удачно и до сих пор служит мисс Матильде неисчерпаемой темой для разговоров. Крэнфорд он привел в большое волнение и даже побудил апатичную и высокородную миссис Джеймисон задать мне несколько вопросов, когда я пришла поблагодарить ее за любезность, с которой она снабдила мисс Матильду сведениями о том, как следует обставить туалетную джентльмена. Впрочем, надо признать, давала она эти сведения с утомленной манерой скандинавской пророчицы!

Мой покой не нарушайте.

И вот теперь я наконец перехожу к любовной истории.

Оказалось, что у мисс Пул был не то троюродный, не то четвероюродный брат, который давным-давно сделал предложение мисс Мэтти. Этот кузен мисс Пул жил на своей земле в четырех-пяти милях от Крэнфорда, однако владения его были столь незначительны, что давали ему право считаться только йоменом. Со смирением, которое паче гордости, он просто не пожелал, вопреки примеру многих и многих фермеров, повысить себя в ранг помещика. Он не позволял, чтобы его называли Томасом Холбруком, эсквайром, и даже возвращал письма, надписанные таким образом, объясняя на почте в Крэнфорде, что он не эсквайр, а мистер Томас Холбрук, йомен. Он не желал ничего менять в порядках своего дома. Парадная дверь там стояла распахнутой все лето напролет, а зимой плотно закрывалась и не была снабжена ни звонком, ни молотком. Хозяин, если дверь оказывалась запертой, давал знать слугам о своем приходе, стучав кулаком или набалдашником трости. Он презирал все требования утонченности и хороших манер, если только источником их не были истинная доброта и благородство. Когда вокруг не было больных, он не считал нужным понижать голос. Он в совершенстве знал местный диалект и постоянно им пользовался. Впрочем, мисс Пул (которая сообщила мне все эти подробности) тут же поспешила добавить, что так прекрасно и с таким чувством читать вслух, как он, не умел никто, кроме покойного крэнфордского священника.

– Но почему же мисс Матильда не вышла за него? – спросила я.

– Право, не знаю. Она, по-моему, с радостью согласилась бы, но понимаете, кузен Томас не был джентльменом, на взгляд ее отца и мисс Дженкинс.

– Но не они же за него выходили! – сказала я с досадой.

– Да, конечно, но им не нравилось, что он не ровня мисс Мэтти. Ведь она же была дочерью священника, и к тому же они состоят в каком-то родстве с сэром Питером Арли; мисс Дженкинс придавала этому большое значение.

– Бедная мисс Мэтти! – сказала я.

– Ну я ведь знаю только, что он сделал предложение и получил отказ. Может быть, он вовсе и не нравился мисс Мэтти, а мисс Дженкинс ни слова против не сказала. Это же только мои догадки.

– И с тех пор она его больше не видела?

– По-моему, нет. Видите ли, Вудли, дом кузена Томаса находится как раз на полдороге между Крэнфордом и Милстоном, и вскоре после того, как ему отказали, кузен Томас начал ездить на рынок в Милстон и почти не заглядывал в Крэнфорд. Однажды, правда, мы с мисс Мэтти шли по Хай-стрит, как вдруг она, ничего мне не говоря, свернула в переулок. А минуты через две-три, смотрю, мне навстречу идет кузен Томас.

– А сколько ему теперь лет? – спросила я, после того как несколько минут в молчании воздвигала воздушный замок.

– Да лет семьдесят, милочка, – ответила мисс Пул, и мой замок разлетелся вдребезги, словно она подвела под него пороховую мину.

Вскоре после этой беседы – во всяком случае, в тот же самый раз, когда я загостилась у мисс Матильды, – мне представился случай увидеть мистера Холбрука, а кроме того, и стать свидетельницей первой встречи между ним и его бывшей возлюбленной после тридцати, если не сорока, лет разлуки. Я помогала решить, подойдет ли какой-нибудь из только что полученных лавочником цветных шелков к серо-черному муслиновому платью, которое требовалось надставить, когда в лавку вошел высокий, похожий на Дон Кихота старик и спросил шерстяные перчатки. Я никогда прежде его не видела (внешность у него была запоминающаяся) и потому продолжала на него посматривать, пока мисс Мэтти говорила с приказчиком. На незнакомце был синий сюртук с медными пуговицами, серые панталоны и гетры, и он нетерпеливо барабанил пальцами по прилавку. Когда он ответил на вопрос молодого приказчика: «Что прикажете показать вам, сударь?» – мисс Матильда, вздрогнув, опустилась на стул, и я сразу догадалась, кто он такой. Она что-то спросила у приказчика, и он крикнул своему товарищу:

– Мисс Дженкинс требуется подкладочный шелк по два шиллинга два пенса за ярд.

Услышав эту фамилию, мистер Холбрук в мгновение ока очутился рядом с нами.

– Мэтти… мисс Матильда… мисс Дженкинс! Боже ты мой! Вот уж не узнал бы вас! Как поживаете? Как поживаете? – Он тряс ее руку с жаром, говорившим об искренней радости, но все повторял, словно про себя: – Вот уж не узнал бы вас!

И я поняла, что счастливому концу сентиментального романа, который, быть может, рисовался моему воображению, сбыться не суждено.

Однако он продолжал разговаривать с нами все время, пока мы оставались в лавке, а затем, отмахнувшись от приказчика, державшего так и не купленные перчатки («В другой раз, любезный, в другой раз!»), проводил нас до дома. С удовольствием могу сказать, что моя подопечная, мисс Матильда, покинула лавку в не менее растерянном состоянии, так и не купив ни зеленого, ни красного шелка. Мистер Холбрук от души и словоохотливо радовался встрече со своей бывой возлюбленной: говорил о происшедших переменах, даже упомянул мисс Дженкинс: «Ваша бедная сестра! Ну-ну, у нас всех есть свои недостатки», – и распрошался с нами, несколько раз выразив надежду, что скоро вновь увидится с мисс Мэтти. Она же прямо поднялась к себе в спальню и вышла только к чаю, который мы, правда, пили рано. Поглядев на ее лицо, я решила, что она, должно быть, плакала.

Глава IV. Визит к старому холостяку

Несколько дней спустя от мистера Холброка пришло письмо, в котором он в старомодных церемониях выражениях приглашал нас – нас обеих, не делая никакого различия, – провести у него день, долгий июньский день (был уже июнь). Он сообщал, что кроме нас пригласил свою кузину мисс Пул, так что мы могли бы вместе нанять извозчика, который и довезет нас до его дома.

Я полагала, что мисс Мэтти с восторгом примет это приглашение, однако мне и мисс Пул лишь с величайшим трудом удалось убедить ее поехать. Она опасалась, что это не совсем ловко, и даже почти рассердилась, когда мы не пожелали усмотреть ничего неловкого в том, что она в обществе двух других дам навестит своего бывшего поклонника. Затем она выдвинула более серьезное возражение: по ее мнению, это не понравилось бы Деборе. Мы уговаривали и убеждали ее добрую половину дня, и едва она как будто начала сдаваться, я тотчас же воспользовалась ее колебаниями и, чтобы покончить с этим раз и навсегда, немедленно отправила согласие от ее имени, указав день и час.

На следующее утро она попросила меня сходить с ней в лавку, и там после долгих раздумий мы отобрали три чепца и попросили прислать их к нам домой, чтобы там примерить их на свободе и отобрать для четверга тот, который окажется больше к лицу.

Всю дорогу до Вудли мисс Мэтти пребывала в безмолвном волнении. Она никогда еще там не бывала, насколько я поняла – ей и в голову не приходило, что мне известна история ее юности, – и не трудно было заметить, с каким трепетом ожидала она той минуты, когда увидит место, которое могло бы стать ее домом и вокруг которого, наверное, сплетались ее девичьи невинные мечты. Мы долго ехали туда по проселочным дорогам. И все это время мисс Матильда сидела выпрямившись и грустно смотрела в окошко кареты на мирный сельский пейзаж. Вудли был окружен полями. Дом стоял среди старомодного сада, где розы росли вперемежку со смородиной, а перистые листья спаржи служили прелестным фоном для гвоздик и левкоев. Подъездной аллеи не было, и, выйдя у калитки, мы пошли к крыльцу по прямой, обсаженной кустами дорожке.

– Право же, мой кузен мог бы устроить подъездную аллею! – заметила мисс Пул. Она всегда боялась простудить уши, а сейчас ее голову защищал только легкий чепец.

– По-моему, это прелестная дорожка, – чуть жалобно сказала мисс Мэтти, понизив голос почти до шепота, потому что на крыльце как раз вышел мистер Холброк, потирая руки с самым гостеприимным видом. Он показался мне похожим на Дон Кихота даже еще больше, чем прежде, но это сходство было лишь внешним. Его почтенная экономка со скромной приветливостью встретила нас в дверях, проводила моих спутниц наверх в спальню, а я попросила разрешения осмотреть сад. Моя просьба, по-видимому, была приятна старику, и он повел меня по всей усадьбе, не преминув показать двадцать шесть своих коров, кличками которым служили буквы алфавита. Он то и дело удивлял меня, цитируя весьма к месту прекрасные строки самых разных поэтов, начиная от Шекспира и Джорджа Герберта и кончая нашими современниками. Он делал это совершенно естественно, так, словно думал вслух, а их верные и возвышенные слова лучше всего подходили для выражения его мыслей и чувств. Правда, Байрона он называл «милорд Бейрон», а фамилию Гёте произнес в строгом соответствии с ее немецким написанием «Гоетхе» («как говорит Гоетхе, «вечно зеленые дворцы...» и так далее). Короче говоря, мне ни до, ни после не доводилось встречать человека, который, прожив всю долгую жизнь в однообразии сельского уединения, сохранил бы столь неиссякаемую способность восхищенно любоваться красотой природы в ее вечных изменениях ото дня ко дню, от одного времени года к другому.

Когда мы с ним вернулись в дом, обед уже ожидал нас на кухне – не знаю, как иначе назвать эту комнату, где справа и слева от камина вдоль стен стояли дубовые шкафы и лари, а пол был каменным, хотя середину его и закрывал небольшой турецкий ковер. Это помещение было бы нетрудно превратить в красивую, обшитую темным дубом столовую – стоило лишь убрать плиту и другие кухонные приспособления, которыми к тому же давно уже не пользовались, так как настоящая кухня находилась в пристройке. Предполагалось, что после обеда мы удалимся в безобразный зал, обставленный тяжелой неудобной мебелью, но удалились мы в комнату, которую мистер Холбрук называл своей конторой: тут он еженедельно выдавал жалованье своим батракам, сидя за большим письменным столом у двери. Эту очаровательную гостиную (окна ее выходили во фруктовый сад, и везде – на стенах и на полу – танцевали тени веток) заполняли книги. Они лежали на полу, ряды их тянулись по стенам, стол был ими завален. Мистер Холбрук, несомненно, гордился таким их изобилием и немного его стеснялся. Тут можно было найти все жанры, хотя преобладали стихи и страшные романы. Судя по всему, он выбирал книги в согласии с собственным вкусом, а не потому, что они слыши шедеврами или принадлежали перу признанных классиков.

– Нам, фермерам, – сказал он, – вроде бы не пристало тратить время на чтение, но без этого как-то нельзя обойтись.

– Какая прелестная комната, – сказала мисс Мэтти *sotto voce*.

– Как тут приятно! – сказала я вслух почти одновременно с ней.

– Ну если вам тут нравится… – сказал он. – Только удобно ли вам будет сидеть на этих треугольных кожаных стульях? Мне-то она нравится больше парадной комнаты, но я думал, что для дам та больше подходит.

Та комната, бесспорно, заслуживала названия парадной, но, подобно всему, что парадно, она не была ни приятной, ни удобной, ни уютной. А потому, пока мы обедали, служанка как следует протерла черные кожаные стулья в конторе, и там мы провели остальную часть дня.

Пудинг нам подали перед жарким, и я было решила, что мистер Холбрук собирается принести извинения за свою старомодность, так как он сказал:

– Не знаю, может быть, вам нравятся модные обычаи…

– О, вовсе нет! – ответила мисс Мэтти.

– Мне вот они тоже не нравятся, – продолжал он. – Но моя экономка все переворачивает по-нынешнему, хоть я и говорю ей, что смолоду привык следовать правилу моего отца: «Не съешь суп – не получишь клецок, не съешь клецки – не получишь говядины». У нас в семье всегда начинали обед с супа. Потом мы ели пудинг с салом, сваренный на мясном бульоне, а уж только потом – мясо. Если мы не съедали за ужином суп, то не получали клецок, которые нам нравились куда больше. А жаркое давалось на заедку, и только тем, кто как следует разделается с супом и клецками. Нынче же пошла мода начинать со сладкого, и обед точно наизнанку вывертывают.

Когда подали утку с зеленым горошком, мы в отчаянии переглянулись – у наших приборов лежали только двузубые вилки с темными роговыми ручками. Правда, их сталь сверкала, как серебро, но что нам было делать? Мисс Мэтти ела горошинки по одной, насаживая их на зубцы, точно Амина зернышки риса после пира с вурдалаком. Мисс Пул со вздохом отодвинула нежный молодой горошек к краю тарелки, почти его не попробовав: он упорно проваливался между зубьями, как она ни старалась. Я поглядела на нашего хозяина – горошек стремительно исчезал в его обширном рту, подхватываемый закругленным концом широкого ножа. Я увидела, я последовала кощунственному примеру, я осталась жива и здоровая! У моих друзей, несмотря на созданный мной прецедент, все-таки не хватило духа настолько преступить правила хорошего тона, и если бы мистер Холбрук не был столь голоден, то, возможно, заметил бы, что его отличный горошек остался почти нетронутым.

После обеда ему принесли глиняную трубку и пепельницу, а он, попросив нас, если нам неприятен табачный дым, удалиться в соседнюю комнату, где он вскоре к нам присоединится, протянул трубку мисс Мэтти, чтобы она ее набила. В дни его юности такая просьба считалась честью для дамы, к которой она была обращена, однако адресовать подобную любезность мисс Мэтти было, пожалуй, не слишком уместно, так как старшая сестра приучила ее относиться к курению с величайшей брезгливостью и отвращением. Впрочем, если ее благовоспитанность и была возмущена, ей тем не менее польстило такое предпочтение, а потому она изящно набила трубку крепким табаком, после чего мы удалились в контору.

— Как приятно обедать у холостяка! — вполголоса сказала мисс Мэтти, когда мы расположились там. — Надеюсь только, что в этом нет ничего неприличного. Ведь все, что приятно, почти всегда неприлично!

— Сколько у него книг! — воскликнула мисс Пул, оглядывая комнату. — И до чего же они пыльные!

— Мне кажется, в таких же комнатах обитал великий доктор Джонсон, — сказала мисс Мэтти. — Какой, наверное, образованный человек ваш кузен!

— Да, — согласилась мисс Пул. — Читает он много, но, боюсь, живя в одиночестве, очень огрубел.

— Ах, «огрубел» — слишком суровое слово. Я бы назвала его эксцентричным — очень умные люди всегда эксцентричны, — возразила мисс Мэтти.

Когда мистер Холбрук опять присоединился к нам, он предложил прогуляться по лугам, но мисс Мэтти и мисс Пул опасались сырости и грязи, да и старомодные капюшоны на обрумах, которыми им пришлось бы прикрыть чепцы, не отличались изяществом, а потому они отказались, и я вновь оказалась его единственной спутницей, так как ему, объяснил он, нужно было посмотреть, чем заняты его работники. Он шел широким шагом и молчал, не то совершенно забыв о моем присутствии, не то умиротворенный своей трубкой. И все-таки это не было молчанием в собственном смысле слова. Он шел немного впереди меня, сутуясь, заложив руки за спину, и когда его внимание привлекало какое-нибудь дерево, облако или встающая вдали зеленая гряда холмов, начинал звучным голосом декламировать стихи с той выразительностью, какую рождает лишь истинное чувство прекрасного. Мы приблизились к старому кедру, осенявшему угол дома.

— «Кедр распростер покровы темно-зеленой тени». Великолепно выражено — «покровы»! Удивительный поэт!

Я не знала, обращается ли он ко мне или нет, однако согласилась: удивительный! — хотя даже не знала, о ком идет речь: мне надоело, что меня не замечают и из-за этого я принуждена молчать.

Он быстро обернулся ко мне.

— Это вы правильно сказали — удивительный. Да, когда прочел в «Блэквудс» статью о его стихах, и часу не прошло, как я отправился за семь миль пешком в Милстон (лошадей свободных не было) и сразу же заказал эту книгу. Вот скажите, какого цвета бывают в марте почки вяза?

«Наверное, он сошел с ума! — подумала я. — До чего же он похож на Дон Кихота!»

— Так какого же они цвета? — повторил он с жаром.

— Право, не знаю, сэр, — ответила я, смиренно признаваясь в своем невежестве.

— Конечно, не знаете. И я не знал, старый дурак, пока не явился этот молодой человек и не сказал мне: «Черны, как почки вяза в марте». А я ведь всю жизнь прожил в деревне — тем более должно мне быть стыдно. Черные! Они черны как смоль, сударыня.

И он снова зашагал вперед в такт музыке каких-то стихов, которые пришли ему на память.

Когда мы вернулись, он во что бы то ни стало захотел прочесть нам все стихи, о которых говорил мне. Мисс Пул поддержала его в этом намерении: наверное потому, решила я, что ей хочется, чтобы я услышала прекрасное чтение, которое она так расхваливала, – однако позже она объяснила, что добралась в своем вязании до трудного места и хотела считать петли, а не разговаривать. Мисс Мэтти одобрила бы любое его намерение, что, впрочем, не помешало ей крепко уснуть через пять минут после того, как он начал читать поэму, озаглавленную «Замок Локсли», и сладко дремала, пока он не закончил. Когда же он умолк и внезапная тишина ее разбудила, она, почувствовав, что следует что-то сказать, и заметив, что мисс Пул считает петли, воскликнула:

– Какие миленькие стихи!

– Миленькие, сударыня? Они великолепны! Подумать только – миленькие!

– О да! Я и хотела сказать – великолепные, – поправилась она, испугавшись неодобрения, которое вызвало у него это слово. – Они так похожи на великолепную поэму доктора Джонсона, которую часто читала моя сестра… Я забыла ее название. Как же она называлась, милочка? – обратилась она ко мне.

– Про какую вы говорите, сударыня? О чем она?

– Я не помню, о чём она, и забыла ее название, но ее написал доктор Джонсон, и она очень красива и очень похожа на ту, которую нам сейчас прочел мистер Холбрук.

– Я что-то ее не вспоминаю, – задумчиво сказал он. – Правда, я плохо знаю стихи доктора Джонсона. Надо будет почитать их.

Когда мы садились в карету, я услышала, как мистер Холбрук обещал, что скоро навестит своих гостей, чтобы узнать, хорошо ли они доехали, и это, по-видимому, обрадовало и взволновало мисс Мэтти. Но когда старый дом скрылся за деревьями, чувства, которые внушал ей его хозяин, были заслонены тягостными опасениями – вдруг Марта нарушила слово и, воспользовавшись отсутствием хозяйки, пригласила к себе «дружка». Когда Марта вышла встретить нас, вид у нее был достаточно добродетельный, надежный и спокойный, но она всегда тревожилась за мисс Мэтти и в этот вечер приветствовала ее следующей малоуместной речью:

– Господи, сударыня, как же это вы вечером да в такой тонкой шали! Она ведь греет не больше муслина. В вашем возрасте, сударыня, надо беречься.

– В моем возрасте! – повторила мисс Мэтти тоном, который для нее был почти сердитым, так как она всегда говорила очень мягко. – В моем возрасте! Да сколько, по-вашему, мне лет, если вы упоминаете про мой возраст?

– Да что же, сударыня, я бы сказала, что вам под шестьдесят, только ведь люди иной раз выглядят старше, чем есть, а я же ничего дурного не думала.

– Марта, мне еще не исполнилось и пятидесяти двух, – торжественно произнесла мисс Мэтти. Возможно, последний день живо напомнил ей юность, и мысль, что это золотое время уже так далеко в прошлом, показалась ей особенно горькой.

Но она ни разу не упомянула о давнем и более близком своем знакомстве с мистером Холброка. Наверное, ее любовь встретила когда-то так мало сочувствия, что она замкнула ее в тайниках души, и, только невольно наблюдая за ней с тех пор, как мисс Пул открыла мне ее тайну, я могла подметить, что ее бедное сердце в печали и безмолвии хранило незыблемую верность.

Каждый день она убедительно объясняла мне, почему ей следует надеть парадный чепец, и, забывая про ревматизм, садилась неподалеку от окна, чтобы видеть улицу, оставаясь невидимой.

И он приехал. Он уперся ладонями в широко расставленные колени и, когда мы ответили на его расспросы о том, как мы доехали, опустил голову, негромко насвистывая.

Внезапно он вскочил.

– Нет ли у вас, сударыня, каких-нибудь поручений в Париж? Я ведь туда отправляюсь через неделю-другую.

– В Париж! – воскликнули мы хором.

– Да, сударыня. Я там никогда не бывал, хотя всегда хотел туда съездить, ну и подумал, что если сейчас не соберусь, так уж никогда там и не побываю. Вот уберем сено, я и отправлюсь, чтобы успеть вернуться до начала жатвы.

Мы были так поражены, что не могли придумать никакого поручения.

Уже выходя из комнаты, он вдруг обернулся с излюбленным своим восклицанием:

– Боже ты мой, сударыня! Ведь совсем было позабыл! Вот стихи, которые вам так понравились в тот вечер у меня. – Он вытащил из кармана пакет. – До свиданья, мисс, – сказал он мне, – до свиданья, Мэтти! Берегите себя! – И он ушел. Но он привез ей книгу, и он назвал ее «Мэтти», как называл тридцать лет назад.

– Лучше бы он не ездил в Париж, – сказала мисс Матильда с тревогой. – Боюсь, как бы лягушки ему не повредили, он ведь всегда был очень разборчив в еде – это даже казалось странным в таком здоровом молодом человеке.

Вскоре после этого я уехала, много раз повторив Марте, чтобы она берегла свою хозяйку и тут же известила меня, если мисс Матильде будет нездоровиться: тогда я попрошу разрешения навестить ее, не упоминая, разумеется, о сведениях, полученных от Марты.

Выполняя мою просьбу, Марта время от времени посыпала мне одну-две строчки, и примерно в ноябре я получила письмо, в котором говорилось, что ее хозяйка «совсем извелаась и ничего не кушает». Это так меня встревожило, что я тут же собралась и поехала в Крэнфорд, хотя Марта меня об этом не просила.

Меня приняли очень сердечно, несмотря на волнения и хлопоты, которые вызвал мой неожиданный визит (я ведь могла предупредить о своем приезде лишь за день). Вид у мисс Матильды был совсем больной, и я приготовилась всячески за ней ухаживать, но сначала спустилась в кухню, чтобы поговорить с Мартой наедине.

– Давно ваша хозяйка недомогает? – спросила я, остановившись у плиты.

– Да, пожалуй, больше двух недель будет. Это я хорошо помню. Во вторник приходила к ней мисс Пул, а как она ушла, так хозяйка и загрустила. Я думала, она устала и за ночь все пройдет, только нет: с тех пор она чахнет и чахнет. Вот я и решила, что следует написать вам, сударыня.

– Вы поступили как следовало, Марта. Для меня большое утешение, что возле нее есть такой верный человек. Надеюсь, вам это место нравится.

– Что же, сударыня, хозяйка-то очень добрая, и есть, и пить можно вволю, да и работа легкая, вот только… – Марта нерешительно умолкла.

– О чём вы, Марта?

– Да вот хозяйка и слышать не хочет, чтобы я завела себе «дружка». А тут полно молодых парней, и многие не прочь водить со мной компанию. Да и придется ли мне еще когда жить в городе… Ну просто жалость, что такой случай зря пропадает. Другие-то не посмотрели бы на хозяйку, да и устроили бы все так, что она ничего и не знала бы, только я дала слово и уж его не нарушу. И ведь дом-то такой, что води кого хочешь, а хозяйке бы и невдомек – кухня большая, темных закоулков полно, хоть кого спрятать можно. Я прикинула в прошлое воскресенье… Чего уж тут: я весь вечер проплакала, потому что пришлось мне захлопнуть дверь перед носом у Джема Хирна, а ведь он не вертопрах какой-нибудь, с ним любой девушке водиться не зазорно, да только я дала хозяйке слово…

Марта снова чуть не расплакалась, а я ничем не могла ее утешить, так как по прошлому опыту знала, какой ужас обе мисс Дженкинс питали к «дружкам», и нынешнее нервное состояние мисс Матильды не оставляло надежды на то, что ужас этот может уменьшиться.

На следующий день я отправилась к мисс Пул и очень удивила ее своим появлением, так как она не заглядывала к мисс Матильде уже два дня.

— А теперь я пойду проводить вас, милочка, потому что обещала извещать ее, как себя чувствует Томас Холбрук, а сегодня — это так грустно! — его экономка прислала мне записку, что жить ему остается недолго. Бедный Томас! Эта поездка в Париж оказалась ему не по силам. Его экономка говорит, что он после возвращения и на полях почти не бывал — сидит в конторе, упервшись руками в колени, и не читает ничего, а только повторяет: «Какой Париж чудесный город!» Парижу придется за многое ответить, если он убил кузена Томаса, ведь лучше его на свете человека нет.

— А мисс Матильда знает про его болезнь? — спросила я, начиная догадываться о причине ее недомогания.

— Да конечно же! Разве она вам ничего не говорила? Я ей сразу сообщила, недели две назад, как только сама узнала. Странно, что она вам ничего не сказала!

Вовсе нет, подумала я, но промолчала. Мне было стыдно, что любопытство толкнуло меня заглянуть в это нежное сердце, и я не собиралась разглашать его тайны, которые, как полагала мисс Мэтти, были скрыты от всего мира. Я проводила мисс Пул до маленькой гостиной мисс Матильды и оставила их одних. И я не удивилась, когда ко мне в спальню постучала Марта и предупредила, что я буду обедать одна — у хозяйки опять разболелась голова. Мисс Мэтти спустилась в гостиную к чаю, но, видимо, это стоило ей больших усилий, и, словно желая искупить дурное чувство, с каким она, наверное, весь день вспоминала свою покойную сестру мисс Дженкинс, в чем теперь горячо раскаивалась, она долго и подробно рассказывала мне, как добра и как умна была Дебора в юности, как она решала, какие платья им следует надеть на званный вечер (призрачный, зыбкий образ тоскливых званных вечеров в далеком-далеком прошлом, когда мисс Мэтти и мисс Пул были юными девушками!), и как Дебора вместе с их матушкой создала общество помощи беднякам и обучала девочек стряпне и шитью, и как Дебора однажды танцевала с лордом, и как гостила у сэра Питера Арли, а потом пыталась поставить скромный дом священника на ту же ногу, что и Арли-холл, где держали тридцать слуг, и как ухаживала за мисс Мэтти во время долгой болезни, о которой я прежде ничего не слыхала, но которую теперь мысленно отнесла ко времени, последовавшему за отказом мистеру Холбруку. Вот так мы весь долгий ноябрьский вечер вполголоса говорили о былых временах.

На следующий день мисс Пул пришла сказать, что мистер Холбрук скончался. Мисс Мэтти выслушала ее молча — ведь после того, что она рассказала нам накануне, мы ничего другого ждать и не могли. Мисс Пул упорно добивалась от нас слов сожаления: спрашивала, не грустно ли это, то и дело повторяла:

— Только вспомнить этот чудный июньский день, когда он казался таким здоровым! И он мог бы прожить еще двадцать лет, если бы не уехал в этот мерзкий Париж, где они все время устраивают революции.

Она умолкла, ожидая, не скажем ли мы что-нибудь. Я увидела, что мисс Мэтти не в силах произнести ни слова — она вся дрожала, — а потому я сказала то, что чувствовала на самом деле, и, посидев еще довольно долго (не сомневаюсь, все это время мисс Пул думала о том, как спокойно приняла мисс Мэтти ее новость), наша гостья наконец удалилась.

Мисс Мэтти приложила все старания, чтобы скрыть свои чувства — даже от меня, — и больше никогда не упоминала мистера Холбрука, хотя книга, которую он ей привез, лежит на столике возле ее кровати рядом с Библией. Она полагает, что я не слышала, как она попросила крэнфордскую модистку переделать ее чепцы так, чтобы они стали похожи на чепцы миссис Джеймисон, и не обратила внимания на ответ: «Но она же носит вдовьи чепцы, сударыня!» — Да? Я имела в виду только фасон... не вдовий, конечно, а такой, как у миссис Джеймисон».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.